

Миша Ландбург

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ САКСАФОНА

Миша Ландбург

Семь месяцев саксофона

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3574065

Миша Ландбург. Семь месяцев саксофона: Книга, Сэфер; Москва,

Кфар-Саба; 2004

ISBN 965-7288-02-9

Аннотация

Миша (Моше) Ландбург – признанный мастер русской израильской прозы. В своих романах он продолжает в 21-м веке традицию, заложенную Ремарком и Хемингуэем в 20-м. Герои его романов – наши современники, сильные люди, старающиеся сохранить себя в этом безумном мире.

Содержание

Месяц первый	4
Месяц второй	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Миша Ландбург

Семь Месяцев Саксофона

*Старайся иметь то, что тебе любо, иначе
полюбишь то, что имеешь.*

Бернард Шоу

Месяц первый

Тот, у которого короткая стрижка, протягивает голубую бумажку.

– Всё верно! – говорю я.

Тот, у которого большие руки, склоняется над моей мамой.

– Сам, – говорю я. – Сам!

Двое мужчин выжидающе замирают.

– Сам! – повторяю я.

– Что ж, если настаиваете... – говорят мужчины.

Поднимаю маму на руки и несую к распахнутой двери, потому что мама до полусмерти пьяна и кто-то из квартиры должен её вынести: или санитары, или я – больше в этом мире никому.

Лампочка на лестничной площадке то гаснет, то зажигается.

Не хочу глядеть на маму!

Гляжу... Белый лоб, белый нос, серо-голубые щёки.

Не хочу глядеть, но...

Вижу: вместо глаз, две полосы сморщенной кожицы.

Вижу: сегодня мама не причёсывалась.

– Помочь? – спрашивает сосед со второго этажа. У него жиденькая бородка и мягкий голос. «С работы меня вызвал он, – мелькает мысль. – В прошлые разы вызывала женщина...»

– Обойдусь! – отвечаю я.

Лампочка снова гаснет, потом снова зажигается. Внизу, возле машины «скорой помощи», ждут санитары.

В прошлые разы мама спускалась почти самостоятельно – я лишь за локоть поддерживал. «Мне жаль, сынок, мне жаль, что так...» – говорила она. «Лжёшь!» – думал я, потому что знал: мама рано или поздно непременно «сломается», и вновь придут санитары...

Сегодня мама не в состоянии ни идти, ни лгать...

«Мама, солги!» – прошу я, но сегодня мама не в состоянии даже слышать.

Из кузова «скорой помощи» тянутся две пары рук.

Сегодня мама напилась до полусмерти, и я стою на тротуаре, словно поруганная девица, которая повелась не с тем, с кем следовало бы...

В конце улицы парень с саксофоном; саксофон хохочет,

просто разрывается от смеха.

«Конечно, – думаю я – родителей не выбирают... Впрочем, у меня всего-навсего лишь только мама, да и та – пьяная... Сейчас мою маму обмоют и уложат в палату для ненормальных...»

Замечаю аптекаря Ицикзона. Даже в такую жару, как сегодня, он не расстаётся со своей тёмно-серой шляпой.

– Бардак! – говорит он, комкая газету. В глазах у старого члена партии Авода боль, оттого что у власти партия Ликуд. – Когда это бывало, чтобы женщин насиловали в таком количестве, как теперь? Чуть ли не каждый час!.. А эти ужасные дорожные происшествия?.. А страшная безработица?..

– Необходимо, чтобы вы снова вернулись к власти! – говорю я.

– Вот именно! – задумчиво-голубые глаза аптекаря становятся решительно-серыми.

Пытаюсь представить себе будущее нашего государства: партия Ицикзона у власти, женщин насилуют значительно реже, и вообще...

– Хорошо будет! – вырывается у меня.

Аптекарь наклоняется к моему уху и говорит:

– Вы обязаны вступить в нашу партию! Национальный, так сказать, долг! Ведь ваша мама...

– Была как-то... Моя мама была в партии Авода... Теперь она в лечебнице для душевнобольных...

Аптекарь отскакивает в сторону.

«К чёрту партии! – думаю я. – Жареной печёнки бы!..»

Подхожу к старине «фиату»; он стоит возле обочины дороги, изнывая от жары и от бесчисленных ссадин, доставшихся ему за долгие годы службы.

Старина нем, и я, склонившись над ним, как над обморочным, дую изо всех сил – пыль с ветрового стекла послушно разлетается в стороны.

Включаю зажигание и мягко прижимаю педаль газа. Чуть покашляв, бедняга трогается с места; машина, которая побывала в руках четырёх хозяев и всё ещё в состоянии кашлять, – достойна ордена. Тот, который был третьим, болел чем-то таким, отчего сильно толстеют, и, когда его тело больше не умещалось на сиденьях, продал машину мне.

«В магазин за печёнкой!» – приказываю я себе, но тут же вспоминаю, что сейчас время обеденного перерыва...

Чётко вижу себя умершим от истощения, но моей смерти никто не замечает, пока в конце месяца в моей комнате не появляется домовладелица г-жа Шварц.

– Надо же! – возмущается она. – Он, видите ли, позволил себе взять да умереть!..

Лежу холодный и невозмутимый.

– Как так можно? – убивается г-жа Шварц. – Пролежать в комнате целый месяц без оплаты!.. Честный человек так бы не...

«Ведьма!» – думаю я, но, так как мёртв, вслух этого не

произношу.

В мою хладную голову вдруг забирается мысль: «Что, если бы живые знали, что думают о них мёртвые!..»

Старина «фиат» останавливается и, заглушив мотор, издаёт тяжёлый старческий выдох. «Благодарю за службу!» – говорю я, прикрыв скрипнувшую дверцу.

Знать бы, о чём сейчас думает мама... Может, сейчас она вообще не думает... Скорее всего, что вообще не... И я не хочу... Поднимусь к себе в комнату на третьем этаже и постараюсь уснуть... На несколько суток кряду...

Г-жа Шварц утверждает, что отдельную комнату сдала мне исключительно из уважения к моей маме, но, когда она произносит «бедная Эстер», в этих словах слышится такое разнообразие смысловых оттенков, что я просто теряюсь в догадках.

До двери двадцать четыре ступеньки. Вбегаю наверх. На двери листок с перекошенными буквами: «У меня Шопен – не входи!»

Вожу пальцами от первой буквы к последней, потом снова от первой к последней, и снова от первой...

«У меня Шопен – не входи!» – это писала мама.

«Наверно, – думаю я, – человеку ложь необходима так же, как необходима правда!»

Спускаясь с мамой, забыл запереть дверь в свою комнату, и теперь на моей кровати лежит голый Кучерявый. Обхватив арбуз обеими руками, он чавкает, как кибуцная свинья.

– Не утомился? – спрашиваю.

Высвободив из-под арбуза руку и похлопывая ею о край матраца, Кучерявый приглашает присесть рядом, но я не двигаюсь с места, потому что близость волосатого тела мужчины, возможно, не противна лишь женщинам...

– Ты бы приоделся, – говорю я. – Я пока подержу арбузик.

– Фигу! – Кучерявый снова впивается в красную мякоть и чавкает ещё громче.

Слежу за траекторией полёта семечек, которые выстреливаются прямо на пол, а потом, когда моя комната принимает вид огорода, засеянного белыми пуговичками, взрываюсь:

– Наглец, неуёмный обжора, тварь бессердечная!

– Чего тебе? – спрашивает Кучерявый и сыто потягивается всем своим тёмно-голым великолепием.

– Кусочек арбуза, – говорю я.

Рот Кучерявого смыкается, словно раковина потревоженной улитки, его рука протягивает мне то, что осталось от арбуза.

– Благодарю, – говорю я как можно нежнее, зная, что Кучерявый нуждается в нежности, как глухонемой в радиопередаче.

– Вымогатель, – рычит он и натягивает на себя трусы. – Подлый вымогатель!

Душно, влажно; кажется, что в комнате вспотела даже мебель. Проглатываю кусочек арбуза и думаю о том, что Давид всё такой же, как и четыре года назад, когда я прозвал его Кучерявым и когда он ещё не был владельцем мелкой лавки подержанных пластинок и дешёвых копий картин, а лежал на соседней со мной армейской койке. В жаркие дни он предпочитал валяться голым.

– Стряслось что-то? – спрашиваю.

– Произошло! – хохочет он. – Хозяйка кафе «Будьте здоровы!» согласилась взглянуть на твои рожицы.

– Лжёшь, – говорю я и, на всякий случай, стучу по дереву.

– Чтоб я так жил! – Кучерявый, словно обидевшаяся супруга, поворачивается ко мне спиной.

Снова стучу по дереву.

Полгода назад, когда я предложил выставить свои портреты в кафе «Будьте здоровы!», г-жа Плоткина меня выпроводила.

– Чего вдруг? – спрашиваю.

Кучерявый приближает ко мне лицо с горящими, как у кота, глазами:

– Г-жа Плоткина замуж собирается, – кудряшки на голове Давида блестят ещё пронзительнее, чем его африканская кожа.

Я где-то читал, что в женщине, которая выходит замуж в возрасте более чем зрелом, непременно меняется и кровь, и цвет мочи, и обоняние, и вкус...

– Только бы не передумала, – говорю я.

– Не допустим! – обещает Давид, и, пока он одевается, я думаю о загадках жизни, о лицах людей и о мужской дружбе...

Мой первый большой успех выпал на долю портрета старшины Иехезкеля – я сотворил его углём на дощатой стенке полевого сортира. Солдаты портрет не стирали, и на него постоянно кто-то сплёвывал. Признаться, мне очень льстил тот факт, что моё искусство волновало людей до такой степени.

Разглядываю покрытый густыми кудряшками затылок Кучерявого, и вспоминаю, что ему особенно нравились мои портреты солдаток из Хацирим, а ещё нарисованные морды верблюдов возле нашей базы в Негеве.

– До вечера, – сверкая белками глаз, говорит Кучерявый. – Увидимся в кафе!

– До вечера! – прислушиваюсь к шагам за дверью, а потом отработанным движением перекатываюсь через всю ширину кровати к окну.

Улица опустела – людей прогнало знойное солнце, и теперь в городе белая, ослепительно-солнечная ночь. Пытаюсь представить себе тех, кто придёт в кафе вечером, а потом кладу к себе на грудь приёмник «Сони». Музыка племён Африки. «Давай, давай!» – подбадриваю я племена.

На стене напротив две картинки, вырезанные из журнала

«Буль»; на одной брюнетка в одном лишь бюстгальтере, на другой – блондинка в одних лишь трусиках.

От африканской музыки щекотно и в животе, и в ушах, и в глазах. Прошу: «Бейте, барабаны, стучите, колотите!»

Моя мама барабанную музыку не переносит. У мамы – Шопен!

Мама часами слушает найденный в каком-то скверике диск и напивается до потери сознания – тогда на двери появляется клочок бумаги: «Не входи – у меня Шопен!»

Когда у мамы Шопен, не вхожу...

«Бейте, колотите!» – в Африке крепкие барабаны, выносливые племена, река Нил и проклятый город Суэц, где в танке заживо сторел муж г-жи Шварц.

Выключаю приёмник – к чертям Африку! На книжной полке сидит дружище Мим; у медвежонка рожица одновременно и весёлая, и кислая, как у настоящих мимов в ночных клубах Тель-Авива.

– Ну, артист, что скажешь? – спрашиваю я.

Мим молчит, как настоящий мим, но я всегда знаю, о чём мой дружище думает...

– Считаешь, с выставкой обойдётся?

– Надеюсь, – молчит Мим, – надеюсь...

– А вдруг меня вытолкнут в шею?

– С твоей силищей ты сам кого угодно вытолкнешь, – думает Мим.

– Тебя бы не стал выталкивать – ты мой дружище.

– Я подарок от твоей матери-пьяницы.

– Так о моей маме не думай.

– Я думаю так, как думаешь ты.

– Так думать мне вовсе не хочется.

– И мне не хочется.

– Тогда не... – перевожу взгляд на блондинку, которая лишь в одних трусиках. У неё огромные, как у Орны из Нес-
Ционы, груди. Вот у Ирис груди малюсенькие и умещаются
в ладони. И зад у неё узкий, как у мальчишки. А вообще-то
она псих. Однажды она едва не убила меня: дико вращая гла-
зами, она дрожащими ногами обвила мою спину.

– Отдай мне его! – рычала она. – Всего, слышишь! Всё
своё сердце отдай мне! Ладно, можешь не отдавать! Я сама
вырву!

Её жадные зубы вонзались в мою несчастную грудь, отры-
ваясь от неё лишь затем, чтобы сплюнуть набившие рот во-
лосы.

– Ты уже, – стонал я, – ты вырвала моё сердце!

– О, нет! – Ирис сопела, как борец. – О, ещё нет!

Боже, тогда я едва не погиб; моё сердце могло бы валяться
на полу, на котором сейчас валяются арбузные семечки. Что
бы подумала о моём сердце г-жа Шварц?.. Прошное хорошо
тем, что оно в прошлом!

– Может быть, я просто шлюха? – спрашиваю у Мима.

– Ты не шлюха, – думает Мим. – Ты как все – порядочный.

– Все – порядочные?

– Конечно, только каждый по-своему...

Свешиваюсь с кровати и отжимаюсь руками от пола – пятьдесят отжиманий ежедневно. Мой командир, лейтенант Эфраим Кон, говорил, что слабые руки нужны только тем, кто возводить их к небу...

В окно видна телефонная будка; возле будки мальчик гоняется за собакой, а потом собака гоняется за мальчиком.

Морда Мима залита иронией. Ещё бы! Дни и ночи он проводит на книгах, и пусть не через голову, но всё же он кое-что впитал от Мудрости. Аарон Мегед, Амос Оз, Меир Шалев... Книги... Я позабыл о них. Окончил школу и позабыл. В школе приходилось кое-что читать, а на почте не обязательно... И в машине не нужно, и в кафе, и тогда, когда рисуешь лица... Ни к чему всё это... А Кучерявому книги нужны? А Ирис? А нашим министрам?

На тротуаре стоит соседка Мирьям. На ней красное платье в белый горошек.

– Повернись-ка! – кричу я из окна.

Густо покраснев, Мирьям послушно выполняет команду.

– С обновкой! – никогда не видел на Мирьям ничего иного, кроме стёртых джинсовых брюк.

– Ой, спасибо! – кричит Мирьям.

Ко мне вдруг приходит мысль: девушка, на которой красное платье в белый горошек, должна непременно принести

удачу.

– Могу взять с собой на выставку! – предлагаю я. – Хочешь?

– Ой, конечно!

Отойдя от окна, подхожу к треугольному столику, на котором четырнадцать портретов. Считаю, что цифра 14 в придачу с красным платьем в белый горошек – явный намёк на везение...

Я знаю: существует Судьба и существует Удача, и вполне возможно, что сегодня вечером...

Переглядываюсь с Мимом и принимаю испытанное солдатское решение – засыпаю легко, без видений, а когда просыпаюсь – за окном ожившая улица. Стягиваю со стула рубашку и, собрав рисунки, говорю Миму:

– Пора мне.

– Помолюсь за тебя, – молча предлагает Мим. – А ещё могу поддержать фигу...

– Лучше помолись, – говорю я.

Мириям ждёт возле подъезда.

– Не поздно передумать, – говорю я девушке.

– Ой, – говорит девушка, – ни за что! Я помолюсь за Удачу.

– Лишнее это – молитву за Удачу взял на себя мой дружище Мим.

– Всё равно: молитва за Удачу помешать не может!..

У входа в кафе «Будьте здоровы!» сидит в плетёном кресле Офира. Её ноги, как обычно, широко расставлены. Сегодня на ней трусики жёлтые.

– Как дела? – спрашиваю.

– Тьфу! – лицо Офиры под густой, небрежно положенной краской задумчиво-мрачное. – Тьфу!..

– Прискорбно, – говорю я.

– Тьфу сплошное!.. – Ноги Офиры раздвигаются ещё шире, и теперь вход в кафе практически перекрыт.

– Это Мирьям, – говорю я, прикрываясь девушкой, словно пропуском.

«Сейчас ворота захлопнутся!» – предполагаю я. Офира бросает жалкий взгляд на Мирьям и коленки сдвигает.

– Путь открыт, – шепчу я в ухо Мирьям.

– Шлюха, – бормочет Мирьям. – Старая шлюха!

– Неправда, – мне неприятен акт несправедливости. – Офира моя ровесница, и, кроме того, я уважаю её, как должно уважать учителя...

– Могу себе представить, чему она учила...

Возле дальней стены замечаю хозяйку кафе, г-жу Плоткину. Рядом увивается Кучерявый. Указывая на нас, он что-то шепчет на ухо хозяйке.

– Присядь туда, – говорю я Мирьям и указываю на столик у входа. – Сиди и смотри, как выглядит выходящая замуж

жаба.

Подхожу к г-же Плоткиной и молча кланяюсь.

– Можешь выбрать стену и развешиваться, – небрежно бросает Кучерявый. – Г-жа Плоткина решила рискнуть. Разумеется, нас угостят ужином.

– Ужин? – растерянно говорит хозяйка. – Какой ужин?

– С вином! – невозмутимо уточняет Кучерявый. – Желательно, с красным или... Впрочем, цвет вина значения не имеет. Художник Ашер Сегал и его друзья будут пить за ваше, г-жа Плоткина, счастье!.. Вы ведь понимаете, о чём речь?..

Какое-то время на лице г-жи Плоткиной такое выражение, будто она только что проглотила коронку зуба, но вдруг на её щеках выступает что-то неопределённо-радостное и слышится мощный разлив кваканья. Мне стоит больших усилий, чтобы удержать себя от искушения заглянуть в пасть невесты.

– Иди! – Кучерявый деловито поднимает бровь. – Ещё не хватало, чтобы стена не выдержала позора и рухнула раньше времени!..

Кланяюсь г-же Плоткиной и возвращаюсь к Мирьям, которая помогает мне развесить картины.

С появлением первого посетителя у меня что-то клокочет в горле, что-то замирает в груди, что-то щекочет под лопатками, но посетитель, не взглянув на стену, направляется к

стойке бара.

«Бывает Судьба, – думаю я, – а бывает Удача!»

Под потолком тихая музыка – бархатный голос поёт по-английски «Люби меня, люби меня снова!»

Мирьям сидит прямая, напряжённая.

Тряся сверкающими кудряшками, Кучерявый подходит к нам и спрашивает:

– Что здесь делает Мирьям?

– Приобщается к искусству, – объясняю я.

– Искусству? – Прищурив глаз, Кучерявый подчёркнуто сомневающимся взглядом осматривает стену с моими рисунками. – Где здесь искусство?

– Пошёл вон! – тревожусь я, потому что никогда нельзя знать заранее, к чему может привести дурной глаз.

Гляжу на Мирьям: она молоденькая, свеженькая, чистенькая и, разумеется, что-либо испортить не может.

В кафе заходят одновременно человек восемь-девять. Музыка под потолком обрывается, и женский голос объявляет о выставке картин Ашера Сегала. Рисунки продаются. Цена умеренная. Расчёт вести с хозяйкой кафе, г-жой Плоткиной. И опять растекается музыка – саксофон играет так, словно его что-то смущает.

– Ой, глядите! – неживым голосом шепчет Мирьям и указывает на несколько человек, которые приближаются к моей стене.

«Только бы не очень близко...» – думаю я.

– Ой, Ашер!.. – Мирьям показывает на мужчину в белой рубашке и белых брюках. Тот внимательно разглядывает портрет монашки-негритянки, которую я рисовал в Иерусалиме – монашка стояла возле Яффских ворот и разглядывала толпу туристов. Меня влекло обрамлённое белым сукном лицо, на котором лоснились губы величиной со среднюю картофелину.

Склонив голову набок и почёсывая за ухом, мужчина разглядывает негритянку, и его правая штанина вздрагивает на том месте, где должно находиться колено.

«Надеюсь, он не посмеет пнуть монашку ногой!» – клокочет во мне ужасная мысль, но мужчина вдруг подзывает г-жу Плоткину. Пока они беседуют, глотаю слюну.

– Друзья, – прошу я, – пожалуйста, подержите-ка фиги!

Кучерявый охотно сооружает громадную фигу перед моим носом, а Мирьям опускает руку под стол.

Под стук моего сердца г-жа Плоткина снимает со стены «Чёрную монашку».

– Ой! – вскрикивает Мирьям и достаёт из-под стола руку.

– Фигу можешь опустить! – говорю я Кучерявому. – Подустал, наверно...

– Нисколько! – руку Кучерявый держит твёрдо, словно в ней не фи́га, а боевой меч. – Могу подержать ещё!..

На нашем столике появляется бутылка «Кармель Мизрахи», и я не спеша разливаю вино по рюмкам.

– Господи! – просит Кучерявый. – Господи, пошли, пожа-

луйста, на Ашера Сегала ежедневно по чудаку в белых брюках!.. Господи!..

Одобрю выступление Кучерявого и мысленно подсчитаю заработанное на «Чёрной монашке»; после вычета процентов, которые причитаются хозяйке кафе, получится, примерно, сумма стоимости трёх порций биточков. Конечно, не богато, но, когда ты готов проглотить даже ножи и вилки, биточки представляются крупной ценностью.

Г-жа Плоткина издали машет нам пухлыми ручонками – она, конечно, уверена, что мы пьём за её счастье.

Встаю из-за стола и направляюсь к хозяйке. «За проданный портретик прошу оплатить не деньгами, а тройной порцией биточков!» – требую я и, не дожидаясь ответа, возвращаюсь к своим друзьям. Я очень доволен своими финансовыми способностями и мысленно целую себя в лоб. Без всякого сомнения, при теперешнем падении курса шекеля, биточки гораздо надёжнее, чем деньги; во всяком случае, свою ценность (особенно в холодильнике) они сохранят на более долгий срок.

Кучерявый радостно потирает руки, Мирьям строит ему рожицы. Я охотно включаюсь в игру: умею отлично двигать носом и немного ушами.

– Обожаю давлёную клубничку, – говорит за соседним столиком дама, у которой полная шея. – Попросите, пожалуйста, давлёную клубничку!

Мужчина, который при даме, вздрагивает.

– Нет! – тихим, но решительным голосом говорит он. – Давить клубничку жалко...

– Глупый вы человек, – у дамы, кроме полной шеи, ещё и угрожающе-нервный смех, – это делается на кухне!..

– Не могу, – виновато улыбается мужчина и бессильно опускает голову.

– Вы не мужчина! – решает дама. – Вы даже не джентльмен!

– Могу пригласить на танец... – нерешительно предлагает он. – Или подарить один из тех портретиков, что на стене...

Вытягиваю шею – мои ноздри щекочет запах ещё трёх порций биточков.

– Кучерявый, – прошу я, – потрогай у меня пульс!

Кучерявый долго и основательно ощупывает мой локоть.

– Кажется, ты при смерти, – слышу я озабоченный голос друга. – Твой пульс совершенно не прощупывается.

– Совершенно?! – кажется, запах дополнительных биточков помутил мой разум.

– К чёрту портретик! – выстреливает за соседним столиком дама. – Кому нужны портретики?!

Опечаленный, опускаю голову, а потом, когда Кучерявый снова строит рожицы, отвечаю движением ушей.

Мы пьём вино, едим биточки, слушаем, как под потолком весело шалит саксофон, и теперь я твёрдо знаю, что именно для человеческого счастья необходимо больше всего.

Месяц второй

Воскресенье, вторник, четверг; воскресенье, вторник, четверг; воскресенье, вторник, четверг; воскресенье, вторник... Ни в один из воскресений, вторников и четвергов маму не выписывали. Сегодня снова четверг...

Удивительное совпадение – когда я в детстве жил в интернате, мама навещала меня по воскресеньям, вторникам и четвергам. Разве мог я тогда предположить, что когда-нибудь по воскресеньям, вторникам и четвергам буду навещать маму...

«Может быть, выпишут сегодня!» – думаю я и стучу по дереву полки, на которой восседает Мим. Никакого сомнения: деревянное оберегает от дурного глаза, длинного языка и всяческих напастей!

– Несчастия в нас самих, – угрюмо молчит Мим.

– Как скажешь, – умным людям с утра спорить не следует...

Натягиваю на себя брюки и спускаюсь на улицу.

Ничто, даже густая пыль, осевшая на «фиате», несчастным его не делает, потому что он всего-навсего машина. Машины могут быть старыми, побитыми, дефектными, запущенными, но только не несчастными, ибо несчастными бы-

вают только люди; и, наверно, Мим прав, когда молча утверждает, что несчастья в нас от рождения, и что всем нам вместе с руками, ногами, почками и кишками приданы ещё и несчастья...

Включаю зажигание и, проехав метров сорок, решаю поставить перед собой цель: на нейтральной скорости докатиться до ларька Ханана. В жизни нельзя без цели...

– Привет! – издали кричит Ханан. – Что-то с машиной?

– Откуси себе язык! – говорю я. – С чего ты взял?

– Какая-то она вялая...

– Просто с утра сонная.

Ханан выносит две бутылки пива.

– Чего вдруг? – вглядываюсь в лицо Ханана.

– Сын у меня родился! – улыбается он. – Посередине ночи...

– Вот как, – улыбаюсь я тоже и тянусь за бутылкой.

Холодное пиво освежает размякшие за ночь внутренности.

– Ты весь светишься, – говорю я и думаю о том, что Ханану тридцать шесть, что он на целых десять лет старше меня.

– Сейчас бы бутылок семьдесят выдул! – сообщает он.

Задумываюсь: «Сколько бутылок выпила мама, когда родился я?»

– Семьдесят, не меньше! – повторяет Ханан. И протягивает ещё бутылку.

Кладу бутылку на заднее сиденье, поворачиваю ключ за-

жигания. «Фиат» принимается кудахтать, и я думаю, что если пожилая машина ещё в состоянии кудахтать, то с ней всё в норме... «А со мной?..» – думаю я потом.

– Приходи рисовать моего сына! – кричит Ханан. Под залитой пивом майкой перекачивается большой весёлый живот.

«Надо же, – думаю я, – человек не прочь выдуть семьдесят бутылок пива! Счастье может и погубить...» Сворачиваю на Реховотское шоссе.

Я знаю: мама рожать меня не хотела – так получилось. Наверно, не сумела достать таблетку... Чудеса!.. Так уж получилось – хотела природа... Кому придёт в голову обижаться на природу?..

– Мама, – сказал я однажды, – у тебя белый лоб и белый нос, они белые, как клавиши на рояле.

Мама сидела на диване молчаливая, недвижимая, и лишь коленки и руки вздрагивали...

– Мама!

Мамины плечи опустились, кривыми складками смялась на шее дряблая кожа, тяжело повернулась седая голова, и отвратительная улыбка белых губ растянула перекошенный рот.

– Испугался? – прокричал рот. – Я страшная, да?

Мне стало не по себе.

– Мама, чем помочь тебе? – спросил я.

Безобразная улыбка не исчезала; я закрыл глаза и поцеловал в бескровную щеку.

– Когда-то я была молодая... – проговорила мама.

Я ушел в ванную за расчёской...

Стрелевидный указатель с надписью: «Лечебница для душевнобольных». На пригорке ворота, за которыми постройка и двор со скамейками. Я пришёл к женщине, которой нужны Шопен и водка, но которая сама не нужна никому, кроме меня и ещё человеку, похожему на колдуна. Я знаю: Колдун пробирается к маме по вечерам.

На заднем сиденье бутылка с пивом и свёрток – мамины туфли на высоком каблуке. Беру их с собой на случай, если маму вдруг выпишут, и, кроме того, мне нравится опускаться на колено, чтобы обуть маму. Когда мама прохаживается по больничному двору в почти новых туфлях и страшно мятом халате – это, по-моему, потрясающее зрелище! «Может быть, выпишут сегодня?» – думаю я и, достав из «фиата» свёрток, подхожу к раскрытому окошку, за которым горбатенький человечек уплетает бутерброд с яичницей. Ротик человечка плотно набит пищей, но, проследив за движением его глаз, догадываюсь, что во двор пройти разрешается.

Присаживаюсь на скамейку под окнами медицинских сестёр – по моим расчётам горбун освободит ротик примерно

через три-четыре минуты и тогда по внутреннему телефону сообщит, что пришли к г-же Эстер Сегал.

На скамейке с надтреснутой спинкой полулежит небритый мужчина – шевелением пальца подзывает к себе. Подхожу. Небритый тяжело дышит и внимательно разглядывает моё лицо.

– Мы знакомы? – спрашиваю.

– Не-е-е-е, – отвечает он. – Через два часа я повешусь, и ты сможешь забрать мою шапочку себе.

– Через два часа? – уточняю я.

– Да, через два.

– Ладно, я подожду, – обещаю я и возвращаюсь к скамейке, которая под окнами медицинских сестёр. Теперь на скамейке сидит старичок с узенькими глазками.

– И на вас шапочка? – говорю я.

– Это тюбетейка, – отвечает он. – В Бухаре носят тюбетейки.

– Так вы сейчас в Бухаре?

– Дурак ты! – сердится он. – Я в стране Израилевой. Раньше был в Бухаре, а теперь, слава богу, здесь. Меня самолёт доставил.

– Знаю.

– И тебя самолёт доставил?

– Я родился здесь.

– Вот как?

– Да.

– Когда был в самолёте, то из туалета побрызгал на Европу... Мне очень хотелось побрызгать на Европу! Нельзя было упустить возможности...

– Надеюсь, не упустили?

– Уж будь уверен! – под нижней губой старичка светится полоска слюны.

– Я уверен.

– Молодец!

Брожу по двору, пытаюсь угадать, кто больной, а кто посетитель. Впрочем, это не сложно: у больных лица выразительнее. «Не двор, а музей, – думаю я, – коллекция выдающихся лиц!»

Возле подстриженных кустов, которые тянутся вдоль забора, женщина в белом халате задумчиво смотрит на дорогу. Пытаюсь представить себе её ноги – я всегда пытаюсь представить себе ноги женщин, у которых печальные глаза.

– Тоскуете? – спрашиваю.

Женщина не отвечает, даже голову не поворачивает.

– Может, смогу услужить? – говорю я. – Ведь если...

– Будьте добры, – перебивает меня голос с русским акцентом, – будьте добры, оставьте меня. Пожалуйста.

– Почему? – вырывается у меня.

Она смотрит мимо меня и молчит. Кажется, никогда не видел такие низко опущенные плечи.

– Мы могли бы поговорить о политике или о чём-то ещё, –

не сдаюсь я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.